

Уроки мифологической школы

Мифологическая ветвь современного литературоведения – одна из самых живых и быстрорастущих. Однако создается впечатление, будто она возникла из воздуха, сама по себе и ни к какому стволу не привита. А ведь у нее есть свои законные и достойные отечественные прародители, среди которых в первую очередь следует назвать Ф.И.Буслаева и А.Н.Афанасьева. Структуралистские методики, к которым охотно прибегают современные мифологи, не должны помешать уяснению этого родства.

Ни одна литературоведческая школа в России не претерпела таких гонений, а затем такого многолетнего замалчивания, как мифологическая, что само по себе заслуживает специального исследования. В момент зарождения в ней увидели опасность воскрешения языческой старины и чуть ли не покушение на христианство. Наши либералы-прогрессисты приписали ей апологию мистики и национальной исключительности, что никак не соответствовало истине. Идеологам космополитизма эта школа мешала выкорчевать остатки русской обрядности и духовности, сохранившееся после революционного погрома, они строили новую культуру на отказах и упрощениях, а там была широта и сложность.

Именно поэтому было скрыто от нас на многие десятилетия великое свидетельство духовного наследия русского народа – «Поэтические воззрения славян на природу», нисколько не уступающие по своему значению «Золотой ветви» Фрезера и «Первобытной культуре» Тейлора. Но любое ограбление народа (духовное или материальное) рано или поздно обнаруживается, однако вернуть награбленное в его прежней роли и силе вряд ли удастся...

Последовательная реализация лозунга «организованного упрощения культуры», выкорчевывание всего «старого», «отжившего», «традиционного», неизбежно приводит к духовному вакууму, о чем свидетельствует болезненный кризис рубежа веков. Внезапно обретенный свободный доступ к ранее запрещенным отечественным и зарубежным источникам порождает в условиях кризиса причудливую методологическую эклектику и пестроту в теоретических подходах: можно всё, но трудно, а подчас невозможно выбрать наиболее верное и плодотворное. Отсюда какая-то растерянность и заторможенность на фронте литературоведческих исследований. По свидетельству В.Н.Чубаровой «публикации отечественных литературоведов по проблемам теории литературы в последнее время крайне немногочисленны» (12,9). Научная эклектика небезопасна, она приводит к самоедству: «Теория в настоящее время занимается собой больше, чем своим главным предметом – литературой» (7,127).

Фундаментом, базой теории всегда была методология, т.е. некое единство в понимании предмета и в принципах его исследования. Возможно ли это теперь, когда затруднительно говорить о наличии и направленности современного литературного процесса? Или о целостности картины мира в произведении того или иного писателя? Или о единстве «поэтических воззрений» народа на жизнь и природу? Вряд ли. Мифологической школе в этом отношении «повезло»: она выростала на феноменально грандиозном порыве, который охватил все стороны русской жизни и который дал нам самую великую литературу мира» (3,4). Отсюда такая масштабность, такая весомость и непреходящая свежесть трудов ученых-мифологов. В ситуации кризиса именно история литературоведения, по мнению А.В.Михайлова, «должна сделаться творческим центром науки о поэтическом творчестве», ее необходимо изучать, чтобы сохранить дух и лицо отечественной науки» (8,8). В первую очередь эти слова можно отнести к наследию мифологической школы, которое до сих пор не собрано, не издано и плохо изучено.

А между тем это самый благодатный материал не только для изучения, но и для чтения, для пополнения своих душевных запасов. Труды наших мифологов уникальны как по широте обхвата (почти все художественное наследие мира, явленное в слове), так и по методу и частным приемам исследования. Уникальность их прежде всего в воодушевлении, в неподдельной любви к предмету, в особой родственности народно-поэтическим представлениям, в живописной манере письма, благодаря которой многие их страницы читаются с захватывающим интересом. Говоря о национальных духовных началах, они писали по-русски, не переходя на «птичий язык», на терминологические рулады, в которых зачастую скрывается пустота. Все их кропотливые разыскания предстают не скучной статистикой, не мертвящей дробностью анализа, а бережным проникновением в сложную упорядоченность и гармонию народного сознания. Изучая слово и миф, они сами творили миф о слове, мифе, фольклоре и литературе, но миф вполне научный, филологический.

Оглядывая все написанное нашими учеными-мифологами, приходишь к выводу, что эти трудолюбивые подвижники – самые необходимые нашему разгромленному и опустошенному духовному дому, нашей оглушенной народной культуре. «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н.Афанасьева с полным правом можно назвать энциклопедией русской души, национальным нерукотворным храмом, в котором русский человек исповедывался своим богам и обожествленной природе. Если «Словарь» Даля – это язык разума русского народа, то книга Афанасьева – это язык его души, голос самых глубоких ее тайн и суеверий. Отвечая на упреки на в увлечениях стариной, Афанасьев говорил, что по данным языка и мифа мы так же восстанавливаем духовный остов человека, как по археологическим останкам восстанавливают доисторических животных.

«Богатый и можно сказать – единственный источник разнообразных мифических представлений, – писал А.Н.Афанасьев в самом начале своего грандиозного труда, – есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями» (2,5). Звуки языка выражали не отвлеченные мысли, «а те живые

впечатления, какие производили на его чувства видимые предметы и явления» (2,8). Исходя из того, что «в слове заключена внутренняя история человека, его взгляд на самого себя и природу» (2, 16), Афанасьев выстраивает далее и основную линию развития языка, и главные этапы движения народного поэтического сознания. С течением времени язык все более становится «послушным орудием для передачи собственных мыслей», человек утрачивает слух к произносимым звукам, а слово – «свой исконный живописующий характер» (2,8). Поэтическое, картинное изображение уступает место абстрактному наименованию, слово становится просто фонетическим знаком предмета или явления, но не образом их.

Афанасьев твердо убежден: «Действительным поэтом был народ; он творил язык и мифы, и таким образом давал все нужное для художественного произведения» (2,46). А первоосновой мифов, былин и сказок были олицетворения «стихийных сил природы» (2, 48). Этой первоосновой, идущей от корней слов, можно с точностью доискаться «только путем сравнительного изучения» (2,16) языка и мифов разных народов, что и составляет основное содержание «Поэтических воззрений славян на природу».

Как правило, критики высоко оценивают именно фактическую основу его книги, но когда речь заходит о методических принципах, они признают их либо устаревшими, либо надуманными и узкими. Однако не эти ли принципы послужили путеводной звездой мифологической школы? И разве не вопреки им были достигнуты столь впечатляющие результаты? «Поэтические воззрения славян на природу» – книга нашего самопознания, в ней постигается изначальное, корневое как в слове, так и в сознании русского человека. Отводя упреки Кавелина в отсутствии у него общего взгляда и метода, Афанасьев писал: «У нас есть и общий взгляд, и метод, основанный на древнейшей связи языка с развитием верований» (6, 13-14). Ему-то кажется, что именно эстетическая критика не имеет по собой опоры. Ибо она не учитывает первоисточки образов и данные сравнительной мифологии: «Толковать о художественном достоинстве тех образов и красок, смысл которых остается неведомым, – все равно, что рассуждать о меткости и живописности выражений незнакомого нам языка: смелость, которую ничем нельзя извинить в науке!» (2,47). Афанасьеву было ясно, что упреки в отсутствии или несовершенстве метода или от непонимания или неприятия его дела в целом. В письме к Де-Пуле он сетовал: «Разве подобные работы не вызывают у нас не говорю сочувствие, но хоть должное уважение? Я столько наслушался нелепых сомнений в пользу этих разысканий, что и рукой махнул» (6,14). В советские годы это неуважение и непонимание переросло в погромные разносы всего, в чем воплотилась русская душа, все это считалось мистикой, мракобесием, классово враждебным и реакционным. Народное стало враждебно народу! Наверное, поэтому в первую очередь была уничтожена крестьянская ветвь русской поэзии (Ганин, Есенин, Клюев, Клычков, Орешин, Васильев), ибо она уходила своими корнями в «Поэтические воззрения славян на природу». Крестьянские поэты, как и многие произведения классиков, были сняты с духовного вооружения, что обернулось невиданным духовным опустошением и деградацией населения. Современные дискуссии о состоянии языка и литературы как нельзя лучше подтверждают это. Книга Афанасьева протягивает нам руку помощи. Значение ее прежде всего в том, пишет Б.Кирдан, что она «обратит читателя к истокам нашего современного языка и бытового поведения, раскроет многие «темные места» и метафоры литературы, фольклора и обычаев» (6,5). Она не только восстанавливает возможности нашего языка и тем самым будет препятствовать его порче, засорению» (6,6). Значит, она будет способствовать и духовному возрождению народа – и в этом прежде всего ее высшее методологическое значение.

Из «Поэтических воззрений славян на природу» можно извлечь и более частные, но не менее полезные уроки (за неимением места кратко обозначим их отдельными фразами). Пристальное, несуетное, полное достоинства изучение своего родного, русского на фоне и рядом с общеславянским. Постоянное сопоставление «своего» и «чужого», поиск объединительных духовных начал в языке и мифе разных народов, необычайная, даже и теперь немислимая широта обзора. Стремление выявить внутренние механизмы духовного обновления народа, увидеть его душу в историческом движении языка и поэтического мышления. Обоснование единой эволюционной цели духовной культуры: слово – миф – фольклор – литература. Воскрешение и приближение к нам древности, истолкование архаики и всевозможных рудиментарных остатков, закрепившихся в суевериях, в нашем подсознании, во всевозможных архетипах. Последовательное проведение параллелей между человеком и природой, убежденность в том, что природа – это второе «я» человека, первооснова его образных фантазий, его поэтического самоосуществления. Афанасьев занимался не только археологическими раскопками духовных древностей, он восстанавливает порушенную духовную архитектуру человека, порушенную невежеством, гонениями, революционными катаклизмами и т.п. И эти его поиски и раскопки дают нам не только материал, но и сам метод изучения поэтических воззрений народа, одно от другого тут отделить невозможно.

Свою книгу «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьев скромно назвал «Опытом сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов». Опыт этот удался. Не совсем удачным оказалось его освоение, которое только-только начинается. Эту великую книгу необходимо включить в школьные и вузовские программы – наряду с «Евгением Онегиным», «Войной и миром», «Тихим Доном», «Василием Теркиным». Ибо она – о становлении русского языка и художественного сознания, о тайнах славянской души. Мифологическая школа, по словам Буслаева, ответила прежде всего на всеобщую потребность в создании своих собственных национальных идеалов, своих национальных художественных форм. На рубеже тысячелетий эта потребность ощущается как никогда остро...

Литература

1. Академические школы в русском литературоведении. – М., 1975.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х т.т.– М., 1994, – Т.1.
3. Афанасьев Э.Л. Федор Иванович Буслаев // Буслаев Ф. О литературе. Исследования. Статьи. – М., 1990.
4. Баршт К.А. Русское литературоведение XX века. Учебное пособие. В двух частях. – СПб., 1997.
5. История русского литературоведения. Под ред. П.А.Николаева. – М., 1980.
6. Кирдан Б.П. Афанасьев – фольклорист, гражданин, демократ // Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. – М., 1983.
7. Кормилов С.И. Теоретико-литературная концепция Г.Н.Поспелова и проблемы построения современной теории литературы // Научные доклады филологического факультета МГУ. – М., 1996. – Вып. 1.
8. Курилов В.В. Актуальные проблемы современной отечественной теории литературы // Филологический вестник. – Ростов-на-Дону, 1997. – № 1.
9. Налепин А.Л. Археолог славянских древностей // Афанасьев А.Н. Народ – художник. Миф, фольклор, литература. – М., 1986.
10. Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. Справочное пособие. – М., 2001.
11. Телегин С.М. А.Н.Афанасьев. Мифологический взгляд на природу и человека // Литература в школе. – 1997. – № 3.
12. Чубарова В.Н. Современное литературоведение: теоретические лики // Филологический вестник. – Ростов-на-Дону, 1998. – № 1.